

Co-funded by the
Erasmus+ Programme
of the European Union

При поддержке Программы Европейского союза Эразмус +
Кафедра Жана Монне 575077-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR

With the support of the Erasmus+ programme of the European Union
Jean Monnet Chair 575077-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR

Право ЕС для молодых преподавателей и ученых в России
(Материалы семинара для преподавателей)

EU Law for Young Generation of Teachers and Researchers in Russia
(Workshop for teachers)

Москва, 2017

Право ЕС для молодых преподавателей и ученых в России (Материалы семинара для преподавателей). М., 2017. ____ с.

Редакторы:

П. А. Калининченко, д. ю. н., профессор кафедры Интеграционного и европейского права Университета имени О. Е. Кутафина

Т. С. Заплата, аспирант кафедры Интеграционного и европейского права Университета имени О. Е. Кутафина

© Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2017

© 2017 Kutafin Moscow State Law University. All rights reserved. Licenced to the European Union under conditions.

Содержание

<i>Слепак В.Ю.</i>	
<i>к.ю.н., доцент кафедры интеграционного и европейского права</i>	
<i>Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	
Эволюция правового статуса общей внешней политики и политики безопасности ЕС	4
<i>Трубачева К. И.</i>	
<i>к.ю.н., доцент кафедры интеграционного и европейского права</i>	
<i>Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	
К вопросу закрепления европейской политики соседства в первичном праве Европейского Союза	8
<i>Михайлова С.А.</i>	
<i>к.ю.н. преподаватель кафедры интеграционного и европейского права</i>	
<i>Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	
Роль медиации в разрешении гражданских и торговых споров в праве Европейского Союза	9
<i>Митрохина А.Х.</i>	
<i>к.ю.н., Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	
Взаимоотношения Европейского Союза и Всемирной торговой организации: право и мировая торговля	11
<i>Романова М.Е.</i>	
<i>аспирант кафедры интеграционного и европейского права</i>	
<i>Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	
Перспективы развития таможенного законодательства Европейского Союза ..	13
<i>Пономарева Д.В.</i>	
<i>аспирант кафедры интеграционного и европейского права</i>	
<i>Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	
Слияния на энергетическом рынке Европейского Союза	19
<i>Заплатина Т.С.</i>	
<i>аспирант кафедры интеграционного и европейского права</i>	
<i>Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	24
Правовое регулирование признания профессиональных квалификаций аудиторов в Европейском Союзе	24
<i>Камалян А. М.</i>	
<i>аспирант кафедры интеграционного и европейского права</i>	
<i>Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	
Правовые основы въезда и пребывания лиц из третьих стран в рамках временного перевода внутри компании в рамках ЕС	26
<i>Альсов Н.М.</i>	
<i>Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	
Свобода передвижения лиц в современной Практика Суда ЕС	28

Слепак В.Ю.

*к.ю.н., доцент кафедры интеграционного и европейского права
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Эволюция правового статуса общей внешней политики и политики безопасности ЕС

Отличительной чертой второй половины XX века становится активное развитие интеграционных процессов. Сращивание национальных хозяйств, проходящее в рамках общемировой тенденции усиления международного разделения труда, ведёт к интеграции экономической. Политические катаклизмы, наиболее яркими примерами, которых являются две мировые войны, подчеркнули необходимость интеграции политической. Европейский Союз в настоящее время соединяет в себе оба направления интеграции, их взаимная игра и составляла основное содержание сближения¹.

На начальных стадиях формирования Единой Европы в силу ряда исторических и экономических причин и вплоть до середины 1990-х годов преобладала социально-экономическая интеграция. Политический «игрок» значительно отставал, и попытки создания политических организаций для объединения Европы не имели особого успеха. Во многом это объясняется тем, что в деле политической интеграции не пришлось искать кардинально новые методы взаимодействия государств, отличные от классических международно-правовых, в отличие от интеграции в сфере экономики, которая потребовала объединения народов Европы в единую экономическую и социально-политическую сущность. Однако усиление интеграционных процессов потребовало не только решения преимущественно экономических вопросов (что входило в компетенцию Сообществ, достаточно широкую в этой сфере), но и непосредственно «политических» вопросов международной жизни, чтобы внешняя политика государств-членов не наносила ущерб взаимосвязанным экономическим интересам государств-членов ЕС.

Первоначально согласование политических курсов проходило в рамках Европейского политического сотрудничества. С вступлением в силу Маастрихтского договора это направление взаимодействия государств-членов вошло в структуру Европейского Союза в качестве второй опоры – Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ).

В силу того, что вопросы, входящие в предмет ОВПБ, особенно в его военную составляющую, «имеют принципиальное значение для государственного суверенитета»², в данной сфере Европейский Союз не использует существующие наднациональные интеграционные механизмы, сохраняя преимущественно международно-правовой характер сотрудничества. Так, например, не действуют в ОВПБ принципы верховенства и прямого действия. Подготовка и принятие решений концентрируются в руках межправительственных органов Евросоюза при сохранении за каждым государством-членом права вето по основным вопросам. Таким образом, институты Союза, включающие в себя полностью независимых от государств-членов представителей (т.е. Комиссия, Европейский парламент и Суд), фактически исключены из этой сферы сотрудничества. Союзный «элемент» представляет лишь Высокий представитель по вопросам внешней политики и политики безопасности, который призван оказывать необходимую помощь представителю государства, председательствующему в Совете, а также представлять Европейский Союз во внешних сношениях по вопросам, входящим во вторую опору, «содействуя формулированию, подготовке и реализации политических решений, при необходимости, выступая от имени Совета и, по запросу

¹ A. Hirschman “Exit, Voice and Loyalty – Responses to Decline in Firms, Organizations and States”, Harvard University Press, Cambridge, MA. 1970, p. 19.

² Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / под ред. С.Ю. Кашкина – М.: ИНФРА-М, 2008. С. 45.

Председательствующего, осуществляя политический диалог с третьими сторонами»¹. То есть речь идёт скорее о содействии и координации, причём зачастую не правовыми, а политическими средствами, а не о внедрении опыта использования наднациональных механизмов первой опоры.

По своей конструкции компетенция Европейского Союза во второй опоре носит межправительственный характер, во многом лишь дополняя достижения ЕС по первой опоре, обеспечивая слаженные действия государств-членов во внешней политике, которые обеспечивали бы и дальнейшие успешные действия, предпринимаемые в рамках первой опоры. Можно сказать, что если в рамках первой опоры право Европейского Союза рассматривается в качестве самостоятельной правовой системы, которая «выступает составной частью правовых систем государств-членов»², то по уровню регулирования второй опоры ЕС находится на той стадии, когда право ЕС рассматривалось как «новый международный правопорядок»³, особенности которого обусловлены необходимостью обеспечения успешной деятельности Европейского Союза в социальной, экономической и административной сферах путём объединения внешнеполитических усилий и создания для этого правовых основ. Тем не менее, обстановка, в которой сейчас осуществляется взаимодействие европейских государств, требует более высокой слаженности действий. Этим и обусловлено повышение уровня взаимодействия государств-членов ЕС в рамках второй опоры, развитие новых направлений сотрудничества. Если в начале 1970-х годов достаточно было согласования внешнеполитических курсов, то на рубеже XX-XXI веков новые вызовы безопасности потребовали выработки общих подходов к связям с другими государствами, международной безопасности, региональным конфликтам и т. д.

Результатом развития права Союза, опосредующего эти изменения в жизни государств-членов ЕС стал Лиссабонский договор. Важнейшая новелла Лиссабонского договора касается не только ОВПБ, но и обоих Европейских Сообществ и СПСО, так как предусматривает ликвидацию заложенной Маастрихтским договором 1992 г. «структуры трех опор» ЕС и наделение Европейского Союза в целом единой правосубъектностью, в том числе на международной арене.

Лиссабонским договором в Договор о Европейском Союзе вносится статья 46А, которая провозглашает наличие у Европейского Союза (именно Союза, а не только Европейского Сообщества, регулирующего в основном экономико-социальную сферу) правоспособности. На фоне формального упразднения системы опор это свидетельствует о стремлении Европейского Союза выступать единой силой во всех сферах общественной жизни и легальном закреплении такого стремления.

Внешне правоспособность Европейского Союза на международной арене мало, чем отличается от правоспособности международных организаций: Европейский Союз «способен обладать международными правами и нести международные обязанности», что следует из его учредительных документов. Однако при этом необходимо учитывать, что компетенция Европейского Союза очень широка, а согласно существующему прецедентному праву (case ERTA[6]⁴) международная правосубъектность Европейского Сообщества (а в этом отношении в свете упразднения системы «трёх опор» Европейский Союз логично рассматривать как правопреемника Сообщества) является отражением и продолжением внутренней компетенции (а это означает, что издание нормативного акта по конкретному вопросу порождает право заключать по этому вопросу международный договор, что, в свою очередь, исключает самостоятельную правосубъектность государств-членов по этому вопросу). Таким образом, упразднение системы опор даст способность приобретать и самостоятельно осуществлять международные права и обязанности, а

¹ Ст. 26 Договора о Европейском Союзе.

² Case 9/90 «Francovich v. Italy» 1991 // ECR I-5357.

³ Case 26/62 «Van Gend en Loos» 1963 // ECR I.

⁴ Case 22/70 «ERTA» 1971// ECR 263.

также нести ответственность не только преимущественно в социально-экономической сфере, но и в рамках ОВПБ и СПСО.

Однако это скорее формальная возможность Союза «говорить одним голосом», претворение в жизнь которой в полной мере зависит от «политической воли» государств-членов, а ведь в сфере ОВПБ Европейский Союз часто сталкивается с нежеланием государств-членов передавать свой суверенитет на наднациональный уровень. Сохраняются и положения, определяющие многие характерные для ОВПБ в настоящее время специфические черты, в первую очередь, преимущественно международно-правовой характер сотрудничества государств-членов в этой сфере (ярким доказательством чего является преимущественно единогласное принятие решений и исключение принятия законодательных актов).

Лиссабонский договор предусматривает меры, направленные на повышение «союзных» элементов (в частности, положения посвящённые посту Верховного представителя Союза по внешним делам и политике безопасности, взаимодействию государств в рамках участия в международных организациях и др.).

В настоящее время можно говорить о контроле государств-членов над внешней политикой Союза при постепенном наделении союзных органов важными полномочиями в жизненно важных для всех государств-членов сферах. Более того, заложена правовая основа для усиления позиций непосредственно Европейского Союза в международной сфере. Таким образом, Лиссабонский договор даёт великолепные возможности для повышения активности. Но всё же, несмотря на формальное упразднение системы опор и предусматриваемые Лиссабонским договором возможности, ОВПБ остаётся обособленной от коммунитарной сферы.

Несмотря на это, некоторые направления сотрудничества в рамках ОВПБ могли бы развиваться более эффективно при использовании механизмов, существующих в рамках первой опоры, ранее исключавшей возможность правового регулирования вопросов, имеющих непосредственное отношение к ОВПБ. Ярким примером является сотрудничество государств-членов в деле создания европейского рынка вооружений. Эта задача преимущественно реализуется в рамках ОВПБ. Однако первая опора обладает гораздо большим опытом и возможностями по эффективному регулированию данной сферы и может способствовать развитию европейского рынка вооружений и технологий. Создание рынка вооружений предусматривает создание и в определённой мере регулирование рыночных механизмов. У Комиссии имеется достаточный опыт в решении таких вопросов, что трудно сказать о каком-либо органе, действующем во второй опоре.

Одним из результатов воздействия Комиссии на формирование европейского рынка вооружений стало принятие двух директив, направленных на гармонизацию правового регулирования размещения оборонных заказов государствами-членами и перемещения продукции, имеющей оборонное значение по территории Сообщества. При этом Директива об упрощении условий перемещения продукции, имеющей оборонное значение по территории Сообщества заменила в части регулирования перемещения продукции оборонного значения по территории сообщества положения Общей позиции, определяющей общие правила регулирования экспорта военных технологий и оборудования, являющейся механизмом регулирования второй опоры и обладающей меньшей эффективностью воздействия. Кроме того, можно предположить, что данные две директивы смогут стать основанием для принятия Союзом международных договоров, затрагивающих также и другие вопросы функционирования ОВПБ и исключаящего правоспособность государств-членов по урегулированным такими договорами вопросам. А это уже станет проявлением возросшего единства ЕС на международной арене.

Можно отметить, что получает новое проявление эффект перелива. Ранее в отношении внешнеполитических, оборонных и уголовно-правовых вопросов он выражался в выделении новых групп интеграционных отношений в новые опоры. Теперь же развитие интеграции в рамках ОВПБ потребовало расширения компетенции первой

опоры. Т.е. отношения, регулирование которых осуществлялось в рамках второй опоры, в своём развитии вызвали необходимость урегулирования вопросов, лежащих в сфере коммунитарного права, что возможно потребует дальнейшего развития регулирования в рамках первой опоры правоотношений, изначально возникших во второй.

Таким образом, есть основания говорить, что началась реализация мер, направленных на сближение первой и второй опор Европейского Союза, что может привести к усилению коммунитарных средств регулирования Общей внешней политики и политики безопасности в целом. Предполагаемое упразднение системы опор, наряду с рассмотренными выше возможными изменениями в отношении внешнеполитической компетенции, может только способствовать этому процессу, а в перспективе возможно и полное преодоление существующей обособленности ОВПБ от других сфер правового регулирования. А повышение взаимодействия опор, в свою очередь, может привести к далеко идущим последствиям не только для европейской обороны, но и всего Европейского Союза в целом.

Трубачева К. И.

*к.ю.н., доцент кафедры интеграционного и европейского права
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

К вопросу закрепления европейской политики соседства в первичном праве Европейского Союза

Европейская политика добрососедства – особая система правил, положенная в основу отношений ЕС с его непосредственными соседями на Востоке и Юге, со странами, которые не имеют перспективы стать членами ЕС: Алжир, Армения, Египет, Беларусь, Марокко, Украина и др.

В п.1 ст.8 Учредительного договора говорится о том, что «Союз развивает с соседними ему странами привилегированные отношения в целях создания пространства процветания и добрососедства, которое основано на ценностях Союза и характеризуется тесными и мирными отношениями, базирующимися на сотрудничестве»

Политически ситуация такова, что Союз, не желая присоединять новых государств-членов, все же стремится «контролировать» своих ближайших соседей, посредством создания «пространства процветания и добрососедства», которое обязательно должно быть основано на ценностях Союза. Таким образом, Союз стремится огородить себя «добрыми» соседями, давая им со своей стороны какую либо привилегию, но в свою очередь, не обременяя себя какими либо серьезными и несущими коренные изменения обязательствами. То есть строя «тесные и мирные отношения», это третья страна должна коренным образом трансформироваться, основываясь на ценностях Союза. Интересный момент: среди ценностей, закрепленных в ст. 2 Учредительного договора есть такие, как, например, равенство мужчин и женщин, соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Для некоторых «добрососедских» государств, в силу определенных национальных и культурных правил и устоев, данные ценности являются чуждыми и непонятными, а отсюда неприемлемыми.

В п.2 ст.8 говорится, что Союз может заключать специальные соглашения с третьими странами, предусматривающие взаимные права и обязанности. Только в итоге получается, что у Союза больше прав, а у третьей страны обязанностей.

Как было рассмотрено выше, Союз может заключать специальные соглашения с третьими странами, но Учредительный договор не дает четкого и ясного ответа в какой форме должно быть соглашение, какие сферы могут быть затронуты. Так в ст. 21 говорится, что Союз старается развивать отношения и строить партнерства с третьими странами, т.е. отмечается форма взаимодействия партнерство. Далее, в этой же статье в п.2 можно увидеть упоминание о «стремлении обеспечить высокий уровень сотрудничества». В ст.217 закрепляется, что Союз может заключать с третьими странами соглашения о создании ассоциации.

Таким образом, в Учредительном договоре предусматривается и закрепляется возможность взаимодействия ЕС с третьими странами, отражены определенные формы и условия такого сотрудничества. Но при этом, в договоре нет единой и четкой системы построения таких отношений. При этом, на практике, вряд ли третья страна желающая сплотить отношения с ЕС сможет диктовать условия.

Таким образом, в первичном праве ЕС закреплены правовые основы политики добрососедства Союза. Но закрепление данных основ не представляется в четко сформулированной структуре требований и условий, давая, тем самым, возможность широкого выбора и лавирования для установления более выгодных условий, в первую очередь, конечно же, для Европейского Союза.

Михайлова С.А.

*к.ю.н. преподаватель кафедры интеграционного и европейского права
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Роль медиации в разрешении гражданских и торговых споров в праве Европейского Союза

В апреле 2002 года Европейская комиссия опубликовала Материалы для обсуждения по теме «Альтернативное разрешение споров». В июле 2004 года Комиссия выпустила Кодекс поведения медиаторов, который был одобрен большинством экспертов по медиации, а в октябре 2004 Комиссия одобрила и представила на рассмотрение Европейскому парламенту и Совету Проект директивы конкретным аспектам медиации по гражданским и торговым делам. Директива была принята 21 мая 2008 года.

Зеленая книга, Кодекс поведения медиаторов, Директива о медиации – это часть работы Европейского сообщества по учреждению единого пространства свободы, безопасности и правосудия и в особенности по улучшению доступа к правосудию. По мнению Комиссии, использование медиации и прочих альтернативных процедур помогает избежать беспокойства, траты времени и издержек, связанных с судебными процедурами и таким образом, помогает гражданам защитить их законные права.

Директива способствует использованию медиации путем создания специальных правил для правовых систем государств-членов. Эти правила распространяются на конфиденциальность процесса медиации и самого медиатора как свидетеля, на принудительное исполнение соглашений достигнутых в ходе медиации, приостановление срока действия предписаний и ограничение операций в период медиации таким, чтобы устранить возможные затруднения для использования медиации. Директива также поддерживает подготовку медиаторов и принятие кодекса поведения для обеспечения качества медиации на всей территории Европейского Союза.

Директива определяет медиацию как организованный процесс, независимо от его наименования, в котором две или более стороны спора пытаются самостоятельно, на добровольной основе, достичь соглашения для разрешения спора при помощи медиатора. Данный процесс может быть инициирован сторонами, предложен судом или предписан законом государства-члена.

Директива о медиации может применяться не только при разрешении трансграничных споров, но и при разрешении споров внутри одного государства-члена.

Цель данной Директивы упростить доступ к альтернативным способам разрешения споров и содействовать дружественному разрешению спора путем использования процедур медиации.

Директива не распространяется на споры касательно доходов, сборов, административные дела и споры по ответственности государств-членов за действия или бездействие при исполнении своих властных полномочий («*acta iure imperii*»).

Государство-член обеспечивает любым доступным ему способом разработку и соблюдение кодекса поведения медиаторов и организации, предоставляющих услуги по медиации, а также осуществляет контроль качества предоставляемых услуг.

Медиатор должен соответствовать высоким стандартам, которые предъявляют государства-члены. Каждая страна имеет свои требования. Например, в Румынии для получения должности медиатора необходимо соответствовать следующим требованиям:

- Иметь полную право- и дееспособность;
- Иметь высшее образование;
- Иметь стаж работы не менее 3 лет в должности старшего юриста или пройти последипломную программу, иметь эквивалент степени магистра, быть аккредитованным в соответствии с законом и получить одобрение Совета по медиации;

- Быть психически здоровым;
- Иметь хорошую репутацию и не быть обвиненным в совершении каких-либо нарушений, которые могут отразиться на престиже профессии;
- Окончить курсы для медиаторов;
- Быть должным образом назначенным на должность медиатора.

Директива также предусмотрела возможность суда, к которому на рассмотрение попадает иск, после изучения все обстоятельств, предложить сторонам прибегнуть к процедуре медиации.

При достижении соглашения в ходе медиации возникает вопрос его исполнения. Согласно Директиве государство-член должно обеспечить исполнение соглашения, если стороны или сторона с явного согласия других сторон спора сделала запрос о том, что соглашение, достигнутое в ходе медиации, может быть принудительно исполнено.

На практике данное соглашение получает силу документа, который может быть принят к исполнению путем указания на него в судебном решении или в ином аутентичном документе суда или иного компетентного органа в соответствии с законодательством государства-члена, в котором был сделан запрос.

Если стороны не договорились об ином, ни медиатор, ни иные стороны, вовлеченные в ведение медиации не должны распространять информацию, полученную ими в ходе медиации. Существует ряд изъятий из этого правила:

- если данная информация касается затрагивает интересы публичной политики государства-члена, например, обеспечение защиты интересов детей или предотвращения физического или психологического вреда целостности личности;
- если раскрытие данной информации необходимо для применения или исполнения соглашения.

При инициировании медиации сроки исковой давности приостанавливаются на весь период медиативных процедур. Стороны не лишаются права на иск.

Для упрощения доступа к альтернативным способам разрешения споров по гражданским и торговым делам Директивой предусмотрена обязанность государств-членов любыми возможными средствами (напр., по Интернету) сделать доступной общественности информацию о процедуре медиации, контакты медиаторов и организаций, предоставляющих такие услуги. Также должна быть доступна информация о судах или иных компетентных органах, которые могут по получении запроса придать соглашению исполнительную силу.

Для приведения в соответствие с Директивой законов государствам-членам дано 3 года – до 21 мая 2011 года. Исключения составляют положения об информации для общественности по компетентным органам – в этой сфере национальное законодательство должно быть приведено в соответствие до 21 ноября 2010 года.

Митрохина А.Х.

к.ю.н., Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Взаимоотношения Европейского Союза и Всемирной торговой организации: право и мировая торговля

В условиях развивающегося мирового финансового кризиса Всемирная торговая организация играет важную роль. Своими целями ВТО ставит обеспечение полной занятости населения, рост производства и торгового обмена товарами и услугами, оптимальное использование источников сырья с целью обеспечения долгосрочного развития, защиты и сохранения окружающей среды. ВТО является "стражем" международной торговли, проводит регулярную оценку режимов торговли, осуществляемых отдельными членами¹. ВТО осуществляет свои цели через пять основных функций (статья 3 Соглашения о создании ВТО):

- 1) осуществляет административные функции в отношении многосторонних торговых соглашений, составляющих Соглашение о ВТО, и организует их выполнение;
- 2) является форумом для проведения многосторонних торговых переговоров между ее членами
- 3) содействует разрешению торговых споров между членами ВТО;
- 4) осуществляет контроль за национальной политикой своих членов в области торговли;
- 5) осуществляет сотрудничество с другими международными учреждениями, занимающимися выработкой политического курса в сфере глобальной экономики.

Отношения между Европейским Союзом и международными организациями регулируются статьей 218 ДФЕС. На основании Соглашения о создании ВТО (ст. 11)² ЕС является полноправным членом³. Согласно ст. 207 ДФЕС единственным участником переговоров от лица всех его членов выступает Комиссия. Европейские сообщества при голосовании обладают числом голосов, равным числу входящих в них государств, являющихся одновременно членами ВТО. Соглашение оговаривает в качестве особого условия, что «число голосов Европейских сообществ и входящих в них государств в любом случае не должно превышать число государств, входящих в Европейские сообщества» (ст. 4). Тем самым Европейский Союз имеет особую роль в ВТО, так как представляет сплоченную позицию 28 государств-членов по всем вопросам⁴.

Наиболее ярким примером является Дохская программа развития 2001 г. (*англ.*: Doha development agenda), которая на практике показала политику координации Европейского Союза, который высказал свои приоритеты и основные цели в развитии, уточнении и дополнении действующих Соглашений ВТО, а также относительно снижения торговых барьеров и поддержки сельского хозяйства в развитых странах. Таким образом, позиция Европейского Союза оказывает большое влияние на ход как переговорного процесса в ВТО, так и на его практический результат.

Так, Сообщество явилось одним из инициаторов проведения Уругвайского раунда, в ходе которых в предмет переговоров были включены сельское хозяйство и сфера услуг. Кроме того, принятые правовые нормы ГАТТ оказали влияние и на развитие права

1 Международное публичное право. Учебник. Отв. Ред. К.А. Бекяшев, М. 1998. С. 266.

2 OJ L 336/1 23.12.94.

3 В дальнейшем, в ходе реформирования, соглашения, заключаемые в рамках Европейского Сообщества, считаются соглашениями Европейского Союза.

4 Вопрос о компетенции Европейского Сообщества в Соглашении о создании ВТО: компетенция Сообщества или компетенция Сообщества и государств-членов говорится в определении Суда, см.: Opinion 1/94 WTO Agreements (ECR I – 5267).

Европейского Союза. Так, например Европейский Союз основывает свои правовые меры в области антидемпинговой политики и борьбы с подделкой товаров на соответствующих кодексах ГАТТ, использует Кодекс таможенной оценки ГАТТ для установления тарифов на импортируемые товары.

Однако стоит отметить, что взносы в бюджет ВТО каждое государство-член делает самостоятельно от Европейского Союза (ст. 7 Соглашения о создании ВТО).

В ряде случаев Сообщество использует процедуру разрешения споров ВТО. В ВТО создан специальный орган для разрешения споров – Комитет по урегулированию разногласий, который руководствуется Приложением 2 Соглашения о создании ВТО «Понимание о правилах и процедурах относительно урегулирования споров». Процесс урегулирования спорных вопросов путем консультаций, когда один участник передает на рассмотрение спор к другому. Рассмотрение спора должны начаться в течение 30 дней с момента обращения. Если рассмотрение не имело успеха, участник может обратиться в Комитет по разрешению споров («администрируется» Генеральным Советом), основываясь на результатах комиссии по разрешению споров (обычно состоит из независимых экспертов, в рамках рассматриваемого вопроса). После заслушивания сторон, комиссия по разрешению споров направляет отчет в Комитет по разрешению споров. Работа комиссии по разрешению споров должна занять не более 6 месяцев и не менее 3 месяцев по неотложным спорам. Отчет рассматривается после принятия Комитетом по разрешению споров в течение 20 дней после распространения всем его членам. Решение принимается в течение 60 дней. Комитет в случае обнаружения нарушений положений ВТО рекомендует прекратить дискриминационную торговую практику или компенсировать убытки, понесенные одной из сторон. Решения обязательны для безусловного исполнения на национальном уровне каждым участником ВТО. Данное решение должно быть одобрено Генеральным Советом и договаривающимися сторонами ВТО. Если одна из сторон с ним не согласна, то она может обжаловать данное решение. Решение обжалуется в Апелляционный комитет.

В заключении хотелось бы отметить преимущества членства в ВТО:

- ✓ получение более благоприятных условий для доступа на мировые рынки товаров и услуг на основе предсказуемости и стабильности развития торговых отношений с государствами, являющимися членами ВТО;
- ✓ получение возможности на реализацию собственных текущих и стратегических торговых и экономических интересов путем результативного участия в международной торговой политике при разработке новых правил международной торговли;
- ✓ устранение дискриминации в торговле с помощью системы разрешения споров в рамках ВТО, которая обеспечивает защиту национальных интересов, если они ущемляются другими участниками.

Романова М.Е.

*аспирант кафедры интеграционного и европейского права
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Перспективы развития таможенного законодательства Европейского Союза

Традиционно таможенное право является одной из самых динамично развивающихся отраслей права, причем эта тенденция характерна практически для всех стран мира. Но помимо национального уровня большая работа по совершенствованию таможенного законодательства проводится на международном и региональном уровне (в рамках интеграционных объединений).

Российская Федерация является активным участником интеграционных процессов на постсоветском пространстве и поскольку таможенный союз является ключевым этапом интеграции, то развитие интеграционного таможенного законодательства является важным направлением деятельности. Не менее важным в такой деятельности представляется и изучение опыта таможенного регулирования и таможенного законодательства существующих в мире интеграционных группировок. В частности, наиболее длительным опытом применения интеграционного таможенного регулирования обладает Европейский союз (ЕС).

Система источников таможенного права ЕС собой совокупность нормативных правовых актов разной юридической силы и в юридической науке существует несколько подходов к классификации источников таможенного права ЕС.

В частности, А.А. Наку выделяет среди источников таможенного права ЕС следующие:

- учредительные договоры ЕС;
- нормативно-правовые акты институтов ЕС;
- судебные решения;
- международные договоры Сообществ и государств-членов¹.

В то же время С.С. Жамкобян несколько в ином порядке расставляет акценты в своей классификации, а именно, он говорит о такой структуре источников таможенного права ЕС:

- учредительные договоры;
- дополнительные договоры и соглашения;
- вторичное право ЕС;
- решения, мнения и общие принципы судопроизводства Суда ЕС².

Однако ни один из исследователей не отрицает места и значимости в системе источников таможенного права ЕС основополагающего нормативного правового документа таможенного права Европейского союза, которым является Таможенный кодекс Сообщества (далее – ТК Сообщества). Фактически в настоящее время он является основным нормативным актом Европейского союза в таможенной сфере.

ТК Сообщества принят 12 октября 1992 г. Регламентом Совета ЕС № 2913/92 и вступил в силу 1 января 1994 г.³

До настоящего момента в данный Кодекс несколько раз вносились изменения, последние из которых (в 2005 г.) касались системы управления рисками в таможенной сфере, уполномоченных экономических операторов и некоторых других вопросов.

¹ Европейское право. Право Европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учебник для вузов / М. В. Каргалова [и др.]; под общ. ред. Л. М. Энтина. – 2-е изд. – М.: НОРМА, 2005, С. 527.

² Жамкобян, С. С. Таможенное право Европейского Сообщества / под ред. А. В. Федорова. – СПб.: Синтез-Полиграф, 2001, С. 52.

³ Council Regulation (EEC) № 2913/92 of 12 October 1992 establishing the Community Customs Code OJ L 302, 19.10.1992, p. 1.

Говоря о структуре акта, необходимо заметить, что он состоит из девяти частей, включающих в себя более мелкие структурные единицы, из которых базовыми элементами являются 253 статьи.

Условно правовые нормы ТК Сообщества можно разделить на следующие группы:

- 1) общие положения;
- 2) положения, касающиеся регулирования таможенного декларирования и таможенного контроля;
- 3) нормы, относящиеся к тарифному регулированию и сфере исчисления и уплаты таможенных платежей.

Остановимся подробнее на каждой группе.

1) К первой группе можно отнести положения частей I, VIII и IX ТК ЕС.

Часть I включает в себя две главы. Первая глава содержит в себе цели и задачи принятия Кодекса, перечень территорий, включенных в состав таможенной территории ЕС, а также основные понятия и определения. Вторая глава части I касается прав и обязанностей лиц при взаимодействии с таможенными органами.

Также к данной группе правовых положений ТК Сообщества можно отнести нормы части VIII (об обжаловании действий таможенных органов) и части IX «Заключительные положения», в котором содержится перечень нормативных правовых актов ЕС, утративших силу с принятием ТК, нормы о Комитете по ТК и о взаимном признании решений таможенных органов стран-участниц ЕС.

2) Ко второй группе относится большинство статей ТК Сообщества, что объясняется ключевой ролью норм о таможенном декларировании и таможенном контроле в системе таможенного регулирования. Таким образом, к данной группе относятся положения частей III, IV и V данного Кодекса.

Часть III состоит из семи глав и содержит нормы, отражающие порядок действий с товарами при их ввозе на таможенную территорию ЕС, представления товаров таможенным органам, разгрузки представленных таможенным органам товаров, а также закрепляет обязанность по помещению товаров под разрешенную таможенными органами форму использования товаров в соответствии с ТК Сообщества. Необходимо особо отметить, что в главе 5 данной части содержатся нормы, касающиеся временного хранения товаров. Кроме того, в главе 6 ТК Сообщества определены особенности перемещения иностранных товаров в рамках процедуры таможенного транзита.

Наиболее значимой и обширной частью как данной группы норм, так и рассматриваемого Кодекса в целом, является часть IV ТК Сообщества, которая объединяет нормы обо всех разрешенных таможенными органами формах использования товаров.

Часть IV состоит из трех глав, каждая из которых, в свою очередь, имеет довольно сложную внутреннюю структуру. Глава 1 закрепляет общие положения. Основную содержательную нагрузку несет глава 2 «Таможенные процедуры». В первую очередь, в разделе 1 в ней описаны формы декларирования товаров в ЕС, которыми являются письменное, электронное декларирование, а также декларирование в форме любых других действий, посредством которых декларант может выразить свое желание задекларировать товары.

Раздел 2 посвящен основной таможенной процедуре, применяемой в отношении иностранных товаров, – выпуску для свободного обращения. Основной характеристикой таможенной процедуры выпуска для свободного обращения в ТК ЕС является то, что после помещения товаров под данную процедуру некоммунитарные товары приобретают статус коммунитарных. В разделе 3 главы 2 объединены положения, относящиеся к практически всем остальным таможенным процедурам.

Глава 3 части IV содержит нормы, характеризующие правовые особенности иных видов разрешенных таможенными органами форм использования товаров. Раздел 1 указанной главы освещает правовые основы такой формы как свободные зоны и

свободные склады, останавливаясь на вопросах помещения в них товаров, операций, допустимых в свободных зонах и складах, а также вывоза товаров с территории свободных зон и свободных складов.

Положения, посвященные оставшимся трем формам использования товаров (реэкспорту, уничтожению и отказу в пользу государства), объединены в раздел 2 главы 3. В целом определено, что особенности правового регулирования данных форм использования товаров определяются на национальном уровне. ТК Сообщества содержит лишь общие нормы об указанных формах.

Часть V данного Кодекса освещает вопросы убытия товаров с таможенной территории ЕС. Основным положением, на котором основано правовое регулирование убытия товаров, заключается в том, что в отношении всех товаров должна подаваться декларация в полной или упрощенной форме.

3) Третья группа норм объединяет положения частей II, VI и VII ТК Сообщества.

Статьи, содержащиеся в части II данного Кодекса, относятся к сфере тарифного регулирования и подразделяются на три главы.

Глава 1 характеризует Таможенный тариф Европейского союза и тарифную классификацию товаров. В главе 2 представлены положения, касающиеся определения страны происхождения товаров для таможенных целей. Выделено преференциальное (в отношении стран и групп стран, с которыми заключены соответствующие международные договоры) и непреференциальное (из всех остальных стран) происхождение товаров. Чрезвычайно значимой является глава 3 рассматриваемой части ТК Сообщества, которая посвящена определению стоимости товаров для таможенных целей.

К третьей группе также относится и часть VI ТК Сообщества. В ней раскрывается понятие привилегированных операций, под которыми понимаются случаи освобождения товаров от уплаты от импортных или экспортных пошлин по решению Совета ЕС, которое принимается квалифицированным большинством голосов по предложению Европейской комиссии (глава 1 части VI). Во второй главе данной части рассматриваются вопросы, касающиеся возвращенных товаров.

Глава 3 части VI состоит из одной статьи и определяет, что от уплаты таможенных пошлин при выпуске для свободного обращения освобождаются также продукты морского промысла, добытые в территориальных водах третьих стран судами, зарегистрированными в ЕС, а также товары, произведенные из данных продуктов.

Часть VII, также относящаяся к третьей группе, регулирует вопросы, связанные с таможенной задолженностью. Указаны случаи, при которых возникает таможенная задолженность при импорте и экспорте товаров, описывается, каким образом обеспечивается уплата таможенной задолженности.

В целом, анализируя положения ТК Сообщества, можно говорить об существенном значении данного нормативного правового акта для таможенного права ЕС и для международного таможенного права. Кроме того, ТК Сообщества является наиболее прогрессивным примером кодификации и для других интеграционных объединений.

Если говорить более подробно о важности принятия данного акта для государств-членов Евросоюза, то его значение трудно переоценить. Недаром в разъяснительном меморандуме, сопровождавшем проект Кодекса, говорилось, что это «самый далеко идущий проект консолидации правовых норм, когда-либо предпринятый в сфере права Сообщества».¹

Принятие ТК Сообщества позволило странам ЕС отказаться от кодифицирующих нормативных правовых актов в сфере таможенного права на национальном уровне и создать общий вектор дальнейшего единообразного развития национальных правовых систем в данной отрасли.

¹ Европейское право. Право Европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека. С.534.

В то же время сейчас в Европейском союзе активно идет процесс совершенствования таможенного законодательства. Действующий ТК Сообщества уже не удовлетворяет требованиям современности.

Понимание необходимости глубокой структурной перестройки и принятия нового таможенного кодекса появилось в Европейском союзе еще в начале 2000-х годов. В результате было принято решение о разработке проекта Модернизированного таможенного кодекса Сообщества (МТК). Первый проект был представлен 10 декабря 2003 г., после учета всех замечаний проект еще раз был представлен 11 ноября 2004 г., и окончательный вариант был одобрен Европейской комиссией 18 июня 2007 г. и направлен в Европейский парламент. 23 апреля 2008 г. был принят Регламент № 450/2008, утвердивший МТК¹.

В целом он был направлен на адаптацию таможенного законодательства в целях подготовки, а также управления электронной средой для таможни и торговли. Таким образом, была предпринята попытка глобального пересмотра таможенных правил для их упрощения и более четкого структурирования.

Регламент № (ЕС) 450/2008 вступил в силу 24 июня 2008 г., но так и не применялся. Он должен был применяться с момента вступления в силу имплементационных положений (акта, разъясняющего реализацию МТК), но не позднее 24 июня 2013 г.

Таким образом, Комиссия посчитала необходимым начать пересмотр (ЕС) 450/2008 до его запланированного применения в рамках следующих технических и процедурных соображений:

- необходимость отложить дату применения МТК, что должно было быть принято до 24 июня 2013 г., крайней даты начала применения, установленной статьей 188(2) МТК. Необходимо предоставить администрациям и экономическим операторам разумное время для привлечения необходимых инвестиций и обеспечения поэтапного, обязательного, но реалистичного внедрения электронных процедур. Комиссия продолжила работу со всеми заинтересованными лицами в целях обеспечения начала работы новых электронных процедур не позднее 31 декабря 2020 г. Необходимой поддержкой данного процесса должна была стать согласованная рабочая программа и программа ФИСКАС²;

- обязательство по приведению МТК в соответствие с требованиями Лиссабонского договора³ в отношении реализации Европейской Комиссией как делегированных, так и имплементационных полномочий, что позволит применить МТК. Подобное должно было осуществляться в соответствии со статьями 290 и 291 Договора о функционировании Европейского союза⁴ и Регламента Европейского Парламента и Совета № 182/2011 от 16 февраля 2011 г.⁵, устанавливающего правила и общие принципы в отношении механизмов контроля государствами-членами осуществления Комиссией имплементационных полномочий;

- необходимость изменения некоторых сложных для реализации положений; текст МТК ЕС потребовалось адаптировать к результатам разработки имплементационных

¹ Regulation (EC) No 450/2008 of the European Parliament and of the Council of 23 April 2008 laying down the Community Customs Code (Modernised Customs Code), Official Journal of the European Union from 04.06.2008, L 145, p. 1-64.

² Программа ФИСКАС – программа приоритетных мер ЕС в налоговой и таможенной сферах на 2014-2020 гг.

³ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007// Европейская комиссия: официальный сайт: URL: http://europa.eu/lisbon_treaty/full_text (дата обращения: 20.09.2014)

⁴ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union, Official Journal of the European Union from 26.10.2012, C 326, p. 47-200.

⁵ Regulation (EU) № 182/2011 of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 laying down the rules and general principles concerning mechanisms for control by Member States of the Commission's exercise of implementing powers, Official Journal of the European Union from 28.02.2011, L 55, p. 13-18.

процедур и положений, в части выявленных расхождений между определенными положениями кодекса и реальным функционированием таможенных процедур (например, временного хранения), а также принимая во внимания произошедшую с 2008 г. эволюцию других областей законодательства (например, транспортная безопасность).

Таким образом, вступление в силу МТК было отменено, и 20 февраля 2012 года Европейская комиссия объявила о начале работы над Таможенным кодексом Союза (ТКС). Данная работа завершилась осенью 2013 г. с принятием институтами Европейского союза Регламента ЕС № 952/2013 от 9 октября 2013 года об утверждении ТКС¹.

Ряд статей ТКС организационного характера вступило в силу 30 октября 2013 года, но в целом Кодекс вступает в силу 1 мая 2016 г.

Говоря о структуре акта, необходимо заметить, что он, как и действующий ТК Сообщества и МТК, состоит из девяти частей, включающих в себя более мелкие структурные единицы, из которых базовыми элементами являются 288 статей.

Если же говорить о принципиальных новациях ТКС в сравнении с действующим ТК ЕС, то можно выделить следующие.

1. Представление таможенных деклараций и сопроводительных документов в электронной форме в качестве основного механизма. Данное положение является основным краеугольным камнем так называемой «новой электронной таможенной среды», которая вводится ТКС.

2. Обеспечение обмена информацией между таможенными органами и иными компетентными органами ЕС в электронной форме. Отметим, что система информационного взаимодействия между таможенными и иными компетентными органами стран-участниц ЕС не один год отработывалась в отдельных государствах-членах ЕС (например, в Швеции). Затем данный успешный опыт был использован при подготовке МТК и ТКС.

3. Введение *концепции «централизованного оформления»*, в рамках которой уполномоченные торговые операторы будут иметь возможность декларировать товары и уплачивать таможенные платежи в электронной форме по месту своего нахождения, вне зависимости от того, через какое государство-член ЕС товары были ввезены на таможенную территорию или в каком государстве-члене ЕС они были использованы.

4. Развитие концепций «одного окна» и «одной остановки».

В рамках *концепции «одного окна»* субъекты хозяйствования будут представлять информацию о товарах только в один орган, даже если представленная информация должна быть представлена в несколько компетентных органов. Данное нововведение тесно увязано с системой информационного обмена между таможенными и иными компетентными органами государств-членов ЕС, о которой речь шла выше.

В рамках *концепции «одной остановки»* контрольные операции, осуществляемые всеми компетентными органами (таможенный, санитарный контроль и др.) в отношении товаров, будут совершаться в одно время и в одном месте.

Все перечисленные ключевые новации уже содержались в не вступившем в силу МТК, и можно отметить, что ТКС сохранил его основные цели и новации, при этом добавив несколько нововведений. Главной целью его разработки было упрощение структуры действующего ТК Сообщества и адаптация его положений к современным информационным технологиям.

Помимо указанных выше новаций, уже содержавшихся в МТК, новый ТКС дополнил общеевропейское таможенное законодательство общими критериями в отношении лиц, претендующих на статус таможенных представителей в иных, помимо страны резидентства, государствах-членах Европейского союза.

¹ Regulation (EU) № 952/2013 of the European Parliament and of the Council of 9 October 2013 laying down the Union Customs Code (recast), Official Journal of the European Union from 10.10.2013, L 269, p. 1-101.

При этом учтя опыт неудачи с вступлением в силу МТК, ТКС, во-первых, содержит значительное число норм, направленных на создание необходимых условий для его реализации, в частности, в отношении электронных систем, а во-вторых, содержит положения о возможности переходного периода для внедрения требующихся электронных систем, с учетом их сложности и существенной капиталоемкости. Предельный срок такого переходного периода – 31 декабря 2020 года. Данные положения создают определенную «подушку безопасности», требующуюся для максимально плавного и гибкого вступления в силу Кодекса.

Таким образом, ТКС стал документом, вобравшим в себя положения, в полной мере отражающие требования современности. При этом в ходе его подготовке был учтен негативный опыт МТК и новые реалии ЕС после принятия Лиссабонского договора. Фактически именно он определяет перспективы развития таможенной сферы в ЕС на ближайшую перспективу, в особенности учитывая поэтапный характер его вступления в силу, а также необходимость подготовки в его развитие двух регламентов: имплементационного и делегированного, которые в настоящее время существуют только в виде проектов.

Пономарева Д.В.

*аспирант кафедры интеграционного и европейского права
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Слияния на энергетическом рынке Европейского Союза

Отличительной особенностью энергетического сектора, подтверждаемой многочисленной судебной практикой, является тот факт, что транспортировка, распределение и поставка газа и электричества осуществлялась и осуществляется региональными и национальными монополиями, как правило, принадлежащими государству на праве собственности. Еще в 1965 году Великобритания первой в Европейском Сообществе ввела режим контроля за сделками присоединения на своей территории. В самом же Союзе подобный режим был введен только в 1990 году. В последнее время в результате поэтапного реформирования наднационального и национального законодательства, нацеленного на либерализацию газового рынка и рынка электроэнергии, прослеживается тенденция перехода от безраздельного господства монополий к медленно возрастающей конкуренции. В подобном контексте контроль за сделками присоединения не только предотвращает нежелательную монополизацию отрасли и концентрацию производства, но и играет прогрессирующую роль в постепенной либерализации энергетического рынка.

Давая анализ газового и электроэнергетического рынков Союза, необходимо обратить особое внимание на нормативную базу, послужившую основой для их формирования. Первые директивы, пронизанные идеей либерализации сферы энергетики, были приняты в 1996 году (электричество) и 1998 году (газ). С тех пор в Европейском Союзе были приняты еще два «пакета» директив и регламентов, регулирующих рынки газа и электричества. Принятые в течение 13 лет нормативные акты иллюстрируют обстоятельства, в которых формировались актуальные тенденции развития механизма контроля за сделками присоединения в энергетической сфере.

Во-первых, либерализация – всегда политически детерминированный процесс. В ходе переговоров по поводу принятия упомянутых «энергopakетов», многие государства-члены выступали за защиту интересов ключевых игроков национальных энергетических рынков (представленных, как правило, государственными компаниями/корпорациями) либо полагали, что либерализация не сможет защитить поставщиков энергоресурсов от недобросовестной конкуренции. Подобные дебаты обнаружили себя в области контроля за слияниями, однако в данной сфере европейским законодателем уже давно был принят соответствующий акт – Регламент № 4064/89 (в рамках реформы антимонопольного законодательства ЕС был заменен Регламентом № 139/2004). В отношении сделок, для заключения которых необходимо одобрение Европейской Комиссии, от государств-членов не требуется обеспечивать соблюдение указанного Регламента, если это противоречит интересам национальных компаний или данного государства-члена в области надежности поставок энергии.

Во-вторых, надо признать, что эффективность первых либерализационных «энергopakетов» вызывает сомнения. В мониторинговом докладе Европейской Комиссии в отношении энергетического рынка (2007 г.)¹ отмечено: «Существует определенный законодательных пробел в сфере трансграничных слияний. Нормативная система в указанной области имеет некоторую незавершенность, несовершенство». Законодательные пробелы корреспондируют большинству вопросов, так или иначе затрагивающих механизм контроля за сделками присоединения, а именно: проблемы доступа третьих лиц к системе транспортировки энергоресурсов; консолидация рынков

¹ DG Competition report on energy sector inquiry (SEC(2006)1724, 10 January 2007), p.1033
[/http://ec.europa.eu/competition/](http://ec.europa.eu/competition/)

(картельный сговор); вертикально-интегрированных структур. Кроме того, далеко не все государства-члены смогли в срок имплементировать в национальные законодательства положения директив, входящих в энергопакеты. Массовое желание отложить трансформацию законодательных актов означает, что слияния не всегда имеют положительный эффект.

В-третьих, надо признать, что энергетические компании всегда нацелены на осуществление деятельности в условиях свободного, конкурентного рынка. Стоит отметить, что в некоторых случаях слияния в сфере энергетики не наносят моментальный вред конкуренции, но, тем не менее, в дальнейшем такого рода сделки могут создать серьезные препятствия для новых участников рынка. Не случайно в решениях институтов ЕС влияние сделок присоединения на формирование будущих конкурентных отношений рассматривается в качестве ключевого фактора.

Энергетические рынки, как правило, характеризуются высоким уровнем вертикальной интеграции (объединением функционально смежных предприятий). Частично это связано с тем, что участники рынка на каждом звене в цепи поставки представлены государственными монополиями. В ранее упомянутом мониторинговом докладе Европейской Комиссии в отношении энергетического рынка (2007 г.) указано, что превалирование вертикальной интеграции является главным препятствием на пути к формированию рынка свободной конкуренции. Кроме того, «представляется необходимым разрешить конфликт интересов, сопряженный с объединением функционально взаимосвязанных предприятий (в нашем случае предприятий, занимающихся поставкой энергоресурсов и обеспечивающих бесперебойное функционирование сетей) и влекущий за собой нехватку инвестиций и осуществление деятельности в дискриминационных условиях. Крайне важно обеспечить согласованность действий владельцев энергетических сетей, их операторов с интересами аффилированных компаний – поставщиков». Комиссия также утверждает, что даже «проведение публичных консультаций не выявило явный синергетический эффект вертикальной интеграции»¹.

Исходя из вышеизложенного, неудивительно, что ограничение конкуренции посредством заключения сделок объединения функционально смежных предприятий, в том числе, в сфере энергетики, является довольно распространенным явлением, встречающимся в каждом звене цепи поставок энергоресурсов.

Стоит заметить, что достаточно часто сделки присоединения заключаются между контрагентами, владеющим транспортной инфраструктурой, системами хранения и поставки энергии. Таких контрагентов, как правило, волнует вопрос доступа конкурирующих участников рынка к инфраструктуре, обеспечивающей бесперебойное энергоснабжение, на дискриминационных условиях. Пробелы в нормативном регулировании наглядно иллюстрирует тот факт, что антимонопольные органы в большинстве случаев рассматривают регулируемый доступ третьих лиц к системам передачи энергии как режим, не позволяющий участникам сделки присоединения ограничить конкуренцию на энергетическом рынке. Исключением, пожалуй, может служить дело RWE/Essent², в котором Комиссия пришла к выводу, что, несмотря на потенциальную возможность сторон отказать третьим лицам в доступе к соединительным линиям, положения внутреннего права Германии, предусматривающие активный мониторинг со стороны национального энергетического регулятора, не позволят участникам сделки ограничить такой доступ.

Вертикальная интеграция, служащая инструментом ограничения конкуренции, имеет место быть в отношении организации оптовых поставок газа розничным продавцам

¹ Energy sector inquiry report (supra, note 3), p. 1034.

² См.: Krisztian Kecsmar, Philippe Chauve, Philippe Redondo, Kristof Kovacs, Miriam Driessen Reilly, Gregor Langus, The European Commission conditionally approves a merger between German and Dutch electricity undertakings (RWE, ESSENT), 23 June 2009, e-Competitions, n. 35023.

и трейдерам; поставок газа для производства электроэнергии; оказания услуг по балансированию графиков поставки энергии сетевым операторам; транспортировки неочищенной нефти.

В иных случаях, речь идет о прекращении закупки ключевых потребляемых ресурсов у конкурирующих компаний, зачастую являющейся следствием не только владения оптовыми поставщиками неконтрольным пакетом акций, но и ограничения спроса на газ со стороны производителей и дистрибьютеров энергии.

Наконец, дело the British Energy/EDF¹ является показательным примером того, как вертикальная интеграция не всегда оказывает положительное действие на формирование конкурентного энергетического рынка. В данном случае, поводом для беспокойства выступила сделка, создавшая возможность для компании – участника слияния отсоединиться от систем производства и поставки энергоресурсов, вследствие чего была исключена необходимость для the British Energy продавать большую часть производимой энергии на оптовых рынках, а для EDF – покупать такую энергию. По мнению Комиссии, такое положение вещей могло бы привести к снижению ликвидности оптового рынка электроэнергии Великобритании, невозможности производителей и поставщиков энергии удержать свои позиции на рынке, а также возрастанию колебаний конъюнктуры энергетического рынка.

В отношении сделок присоединения, в которых задействованы фактические участники рынка, необходимо учитывать два аспекта, связанных с существующими различиями энергетических рынков государств-членов: возможность антимонопольных органов определить нарушение правил конкуренции даже в том случае, если энергокомпания занимает на рынке незначительную долю; согласованные действия на рынке, приводящие к концентрации производства.

Ключевой особенностью электроэнергетического рынка является тот факт, что слияния становятся предметом судебных разбирательств, несмотря на относительно низкую для данных сторон совокупную долю поставок. В первую очередь, это связано с новейшей практикой антимонопольных органов анализировать экономический эффект подобных сделок посредством их влияния на надежность поставок в период максимальной нагрузки на сеть. Одним из показательных примеров может служить сделка присоединения, заключенная в 2005 году, между компаниями «Nuon» и «Reliant».² В то время как общая доля контрагентов на энергетическом рынке не превышала 30%, совокупная генерирующая мощность предприятий, по мнению антимонопольного регулятора Королевства Нидерландов, позволила новообразовавшейся компании «обмануть систему» и извлечь выгоду из роста цен путем преднамеренного снижения энергопроизводства в пиковые часы.

Впоследствии голландскими судами в ряде решений было признано, что «концепция отрицательного эффекта слияний» не подтверждена фактическими данными. В частности, было отмечено, что экономически модели, предложенные NIMA, не отражают текущих рыночных условий и практик. Тем не менее, в последующих решениях подобная концепция нашла свое применение, в особенности в отношении поглощения компании «The British Energy» компанией EDF. До заключения сделки «The British Energy» занимала значительную долю в производстве электроэнергии в Великобритании – 20-30%. Указанные случаи наглядно демонстрируют, что даже относительно некрупные предприятия занимать значительные позиции на энергетических рынках в пиковые периоды нагрузки.

¹ См.: John Gatti. Mary Loughran, The European Commission gives conditional clearance to an acquisition in the electricity sector (EDF/British Energy), December 2008, e-Competitions n. 37673.

² См.: Martijn Snoep, The Dutch energy sector mergers under the aegis of Courts and Regulators: Main 2005-2007 decisions (Essent/Nuon, Reliant/Nuon...), November 2006, e-Competitions n° 13305.

Практически все решения, в которых, так или иначе, было констатировано наличие согласованных действий компаний, имеют отношение к Германии. Частично это связано с тем, что немецким законодательством установлена презумпция «коллективного преобладания» на рынке, влекущая за собой критическое восприятие сделок присоединения, в особенности заключаемых в сфере электроэнергетики (включая прямой запрет на совершении подобных сделок, как это отмечено в деле E.ON/Stadwerke Eschwege) и розничной продажи нефтепродуктов. Также надо принимать во внимание и исторически сложившееся взаимное участие компаний в капитале друг друга, которое способствует созданию структурных связей между конкурирующими компаниями в газовой и электроэнергетической сферах.

В противоположность сказанному Комиссия отказалась признать наличие согласованных действий практически во всех делах, затрагивающих подобный вопрос (EDF/Segebel¹, StatoilHydro/Jet², DONG/Elsam/E2³, Sydkraft/Graning⁴, ENEL Acciona/Endesa⁵). Исключением стало уже упоминавшееся ранее дело RWE/Essent.

Как было отмечено ранее, движение от монополизации энергетического рынка к его постепенной либерализации означает, что устранение потенциальной конкуренции как таковой является вопросом первостепенной важности, если речь заходит о слияниях на газовых и электроэнергетических рынках ЕС. Трансграничное приобретение предприятий позволит исключить возникновение конкуренции на внутреннем рынке компании – приобретателя либо будет способствовать дальнейшему развитию в рамках целевого рынка. Кроме того, даже в случаях, когда приобретение другой компании является фактором, оказывающим позитивное воздействие на формирование конкурентного рынка, антимонопольное законодательство, как правило, не позволяет рассматривать выгоду от подобной сделки в качестве компенсации за вред, причиненный устранением конкуренции на внутреннем рынке компании-покупателя.⁶

В решениях по делам GDF/Suez⁷, DONG/Elsam⁸, EDF/Segebel⁹ и Fortum Power/E.ON Finland вопросом, подлежащим обсуждению судом, стала необходимость устранения потенциальной конкуренции. Подобный вопрос также решался Комиссией в деле ENI/EDF/GDF о запрете слияния. В данном деле компания, занимающее доминирующее положение на газовом рынке, считалась наиболее вероятным потенциальным

¹ См.: Krisztian Kecsmar, Raphael de Coninck, Augustijn Van Haasteren, Pablo Asbo, Cyril Hariton and Polyvios Panayides, The European Commission approves subject to remedies acquisition in the Belgian electricity market (EDF, Segebel), November 2009, e-Competitions n. 34864.

² См.: Donath, Elzbieta Glowicka, Cyril Hariton, Philippe Redondo, Jérôme Cloarec, Dag Johansson, The European Commission conditionally approves a merger in the retail fuel sector using customers surveys and econometrics studies in order to assess the likelihood of anticompetitive effects (StatoilHydro, Jet), 21 October 2008, e Competitions, n°35129

³ См.: Donath, Elzbieta Glowicka, Cyril Hariton, Philippe Redondo, Jérôme Cloarec, Dag Johansson, The European Commission conditionally approves a merger in the retail fuel sector using customers surveys and econometrics studies in order to assess the likelihood of anticompetitive effects (StatoilHydro, Jet), 21 October 2008, e Competitions, n.35129.

⁴ Case No. COMP/M.3268, Commission decision of 30 October 2003.

⁵ Case No. COMP/M.4685, Commission decision of 13 June 2008.

⁶ См.: Case T-87/05, [2005] ECR II-3705.

⁷ См.: Jonas S. Brueckner, The German Bundeskartellamt cleared a merger in the gas supply market subject to the divestiture of minority stakes in two energy supply companies (E.ON Avacon/WEVG), 19 December 2007, e Competitions, n° 20792.

⁸ См.: Jonas S. Brueckner, The German Bundeskartellamt cleared a merger in the gas supply market subject to the divestiture of minority stakes in two energy supply companies (E.ON Avacon/WEVG), 19 December 2007, e Competitions, n° 20793.

⁹ См.: Donath, Elzbieta Glowicka, Cyril Hariton, Philippe Redondo, Jérôme Cloarec, Dag Johansson, The European Commission conditionally approves a merger in the retail fuel sector using customers surveys and econometrics studies in order to assess the likelihood of anticompetitive effects (StatoilHydro, Jet), 21 October 2008, e Competitions, n.35129.

конкурентом основному поставщику электроэнергии и наоборот. Суд ЕС признал, что Комиссия, в принципе, может принимать во внимание влияние будущего слияния на потенциальную конкуренцию на энергетическом рынке Португалии несмотря на то, что португальская сторона, в рамках второго энергопакета, может воздержаться от открытия газовых рынков в течение восьми лет с момента заключения сделки присоединения. Тем не менее, было также отмечено, что Комиссия не смогла должным образом оценить последствия слияния на энергетических рынках в период между совершением сделки и имплементацией второго энергопакета.¹

На национальном уровне, напротив, устранение потенциальной конкуренции не является распространенным вопросом, встающим перед судебными органами государств-членов. Частично это объясняется существованием барьеров, предусмотренных внутригосударственным антимонопольным законодательством и не позволяющих вмешиваться компетентным органам, в случае если приобретаемая компания имеет возможность продавать энергоресурсы, но фактически не имеет сбыта. Более того, в некоторых делах, в рамках которых рассматривалось влияние на потенциальную конкуренцию, это явление признавалось малозначительным. Так, в решениях компетентного органа Чешской Республики в 2000 году был принят во внимание тот факт, что приобретение компанией RWE совместного контроля за двумя распределительными предприятиями (газовой и электроэнергетической компаниями) может привести к потере RWE позиции потенциального конкурента по отношению к приобретаемым компаниям. Такое положение вещей может рассматриваться, скорее, как «гипотетическая угроза» свободной конкуренции, поскольку положительный эффект слияния перевешивает возможные негативные последствия заключения подобной сделки.

Исторически сложившаяся комплексная природа энергетической отрасли объясняет, почему количество слияний на энергетическом рынке значительно выше, чем в других отраслях. Тем не менее, в течение последних нескольких лет наметилась тенденция к отказу от укрупнения компаний в данной сфере. Решения об одобрении слияний на энергетическом рынке достаточно часто пересматриваются. С 2010 года Комиссией было пересмотрено порядка 80% решений об одобрении сделок присоединения (в предыдущие годы такому пересмотру подверглось лишь 55% решений). Безусловно, усилия Европейской Комиссии по постепенному устранению барьеров для входа на рынок принесли свои плоды.

¹ См.: Case T-87/05, [2005] ECR II-3705.

Заплата Т.С.

*аспирант кафедры интеграционного и европейского права
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Правовое регулирование признания профессиональных квалификаций аудиторов в Европейском Союзе

Признание квалификаций аудиторов в Европейском Союзе (далее – ЕС) регламентируется на настоящий момент Директивой 2006/43/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об обязательном аудите годовой и консолидированной бухгалтерской отчетности»¹, (далее – Директива 2006/43) отменившей Директиву Директивы 84/253/ЕЭС о требованиях к лицам, осуществляющим обязательный аудит бухгалтерской отчетности² (также называемая Восьмая Директива). Последняя закрепляла условия утверждения лиц, ответственных за проведение обязательного аудита. В ней определялись критерии признания квалификации аудиторов на основе уровня образования, практического опыта и профессиональной аттестации. Вопросы признания образовательного уровня рассматривался также Директивой Совета 89/48 об общей системе признания дипломов высшего образования³, выданных по завершении обучения с минимальной продолжительностью 3 года⁴.

Квалификационные требования, предъявляемые людям, желающим работать в качестве бухгалтера или аудитора, главным образом, касаются уровня образования, профессионального опыта и профессиональной аттестации, что схоже с Директивой 2005/36 о признании профессиональных квалификаций⁵ (далее – Директива 2005/36).

Директива 2006/43 устанавливает требования не только для лиц, осуществляющим обязательный аудит, но и для аудиторских фирм. Т.е. свобода учреждения в данном акте рассматривается не только применительно к физическим, но и юридическим лицам. Тем не менее, признание квалификации следует рассматривать применительно к физическим лицам. Компетентные органы государств-членов ЕС могут утверждать в качестве уполномоченных аудиторов только физических лиц.

В ст. 6 устанавливается, что физическое лицо может быть утверждено для осуществления обязательного аудита только после достижения им уровня поступления в высшее учебное заведение или эквивалентного уровня, последующего завершения им курса теоретической подготовки, прохождения практической стажировки и сдачи экзамена на профессиональную компетентность на уровне выпускного экзамена в высшем учебном заведении или на эквивалентном уровне, что организовывается или признается соответствующим государством-членом ЕС. Т.е. Директива 2006/43 устанавливает уровень обучения, для утверждения квалификации аудитора. Такие общие требования характерны для общей системы признания.

¹ Directive 2006/43/EC of the European Parliament and of the Council of 17 May 2006 on statutory audits of annual accounts and consolidated accounts, amending Council Directives 78/660/EEC and 83/349/EEC and repealing Council Directive 84/253/EEC // OJ L 157, 9.6.2006, p. 87–107.

² Eighth Council Directive 84/253/EEC of 10 April 1984 based on Article 54 (3) (g) of the Treaty on the approval of persons responsible for carrying out the statutory audits of accounting documents // OJ L 126, 12.5.1984. P. 20–26. (Утратила силу).

³ Council Directive 89/48/EEC of 21 December 1988 on a general system for the recognition of higher-education diplomas awarded on completion of professional education and training of at least three years' duration // Official Journal L 19, 24.1.1989, p. 16–23 (утратила силу 19.10.2007).

⁴ Айрапетова Н.Г. профессия бухгалтера и аудитора в Европе // Международный бухгалтерский учет 1 (85) – 2006. С. 46 (44- 54).

⁵ Directive 2005/45/EC of the European Parliament and of the Council of 7 September 2005 on the mutual recognition of seafarers' certificates issued by the Member States and amending Directive 2001/25/EC // OJ L 255, 30.9.2005. P. 160–163.

Исключение составляет лицо, сдавшее экзамен в высшем образовательном учреждении или приравненный к нему, или обладающее университетской степенью или приравненной к ней квалификацией может быть освобождено от проверки теоретических знаний по дисциплинам, относительно которых состоялся указанный экзамен или имеется указанная степень. К этой же ситуации относится лицо, прошедшее практическую стажировку и аттестованное путем сдачи экзамена или присвоения диплома, признаваемого государством.

Особенностью Директива 2006/43 является то, что признание практического опыта является альтернативой признания образования, в отличие от Директивы 2005/36, устанавливающей признание на основе профессионального опыта для определенных видов профессиональной деятельности. Более того, Директива 2005/36 устанавливает признание профессионального опыта в качестве автоматического режима признания. В свою очередь Директива 2006/43 в ст. 11 закрепляет, что государство-член ЕС может утвердить лицо, не соответствующее определенным в ней условиям, если лицо или в течение 15 лет осуществляло профессиональную деятельность, что позволило ему приобрести достаточный опыт в сферах финансов, права и бухгалтерского дела, а также сдало экзамен на профессиональную компетентность. Или осуществляло профессиональную деятельность в указанных сферах, прошло практическую стажировку, указанную, а также сдало экзамен на профессиональную компетентность.

Подобно Директиве 2008/106 о минимальном уровне подготовки моряков, (далее – Директива 2008/106)¹ Директива 2006/43 в ст. 44 закрепляет положения, касающиеся утверждения аудиторов из третьих стран. В соответствии с принципом взаимности компетентные органы государства-члена ЕС вправе утверждать аудитора третьей страны в качестве уполномоченного аудитора, если указанное лицо в случае представления им доказательств соответствия требованиям, изложенным в статьях Директивы 2006/43 для своих граждан.

Итак, Директива 2006/43 устанавливает отдельную систему профессионального признания для аудиторов в Европейском Союзе, данная система не только отлична от Директивы 2005/36, но и предусматривает положения об утверждении аудиторов из третьих стран.

¹ Directive 2012/35/EU of the European Parliament and of the Council of 21 November 2012 amending Directive 2008/106/EC on the minimum level of training of seafarers // OJ L 343, 14.12.2012. P. 78–105.

Камалян А. М.

*аспирант кафедры интеграционного и европейского права
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Правовые основы въезда и пребывания лиц из третьих стран в рамках временного перевода внутри компании в рамках ЕС

В эпоху глобализации все больший удельный вес приобретают транснациональные корпорации. Обладая предприятиями и подразделениями в нескольких странах, они зачастую существенно влияют на экономику и политику не только одного государства, но одновременно нескольких стран или даже целого региона. Более того, транснациональные корпорации способствуют культурному, техническому и технологическому обмену между странами, в которых находятся их подразделения, путем перевода внутри корпорации из одной страны в другую высококвалифицированных работников и менеджеров или молодых специалистов для приобретения дополнительных навыков и знаний. В этой связи в мае 2014 года в Европейском Союзе была принята Директива 2014/66/ЕС¹, которая закрепляет условия въезда и пребывания лиц из третьих стран в рамках временного перевода внутри компании. Данная Директива представляет особый интерес для российских граждан, работающих в крупных международных компаниях, поскольку для Европейского Союза Россия является третьей страной. Кроме того, в условиях становления Евразийского Союза представляется полезным проанализировать опыт западных соседей.

Данная Директива устанавливает особую форму разрешения и порядок ее получения гражданином третьей страны, подлежащего временному переводу внутри компании, а также закрепляет определенные права этого лица и членов его семьи. При этом необходимо иметь в виду, что указанная Директива распространяется только на членов руководящего персонала (менеджеров), экспертов и оплачиваемых стажеров. Она не затрагивает граждан третьих стран, которые запрашивают право на пребывание в целях научной деятельности, а также командированных работников. Также под действие настоящей Директивы не подпадают категории независимых работников и практиканты, а также лица, которые, в соответствии с соглашениями, заключенными между Союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и третьими странами, с другой, пользуются равные с гражданами Союза правами по вопросу свободного передвижения.

Для получения разрешения для лица, подлежащего временному переводу внутри компании, заявитель обязан представить ряд документов. При этом следует помнить, что заявителем может выступать как сам гражданин третьей страны, так и принимающее подразделение. Государство-член должно принять решение о предоставлении или непредоставлении разрешения для лица, подлежащего временному переводу внутри компании, не позднее 90 дней со дня получения полного пакета документов. Срок действительности разрешения – не меньше одного года или срок временного перевода, в зависимости от того, что наступит раньше. При этом существует возможность продления разрешения.

Помимо прочего, Директива закрепляет порядок въезда и пребывания во втором государстве-члене в рамках перевода внутри компании, а также право гражданина третьей страны на воссоединение с семьей в соответствии с Директивой 2003/86/ЕС².

Таким образом, Директива 2014/66/ЕС устанавливает упрощенный порядок для въезда и пребывания граждан третьих стран в рамках временного перевода внутри транснациональных корпораций, позволяющий транснациональным корпорациям лучше

¹ *OJ L 157, 27.05.2014, p. 1–22*

² Директива Совета 2003/86/ЕС от 22 сентября 2003 года о праве на воссоединение семьи (*OJ L 251, 03.10.2003, p. 12*).

использовать свои человеческие ресурсы. Более того, данная Директива может также иметь положительный эффект на страны происхождения мигрантов, поскольку такой временный перевод, при соблюдении установленных норм, благоприятствует передачи навыков, знаний, технологий и ноу-хау.

Альсов Н.М.

Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Свобода передвижения лиц в современной Практика Суда ЕС

Свобода движения лиц в праве ЕС складывалась на протяжении нескольких исторических этапов. Так изначально под свободой передвижения лиц понималась свобода передвижения работников, которая была достигнута к 1968 г.

Первый этап закрепил свободу передвижения для работников, которые уже заключили трудовой договор с работодателем юридическим лицом, если оно зарегистрировано в одном из государств-членов ЕС либо с работодателем физическим лицом, если он зарегистрирован в одном из государств-членов ЕС в качестве индивидуального предпринимателя. Однако при таком подходе свобода передвижения лиц не распространялась на целые группы людей.

Второй этап закрепил право въезжать в страны ЕС на равных условиях, чтобы искать работу. Отдельное регулирование для расширения свободы движения лиц было принято в отношении лиц свободных профессий, адвокатов, врачей и медсестер. Завершился второй этап принятием Маастрихтского договора 1992 г., который заменил свободу движения работников на свободу движения лиц, что впоследствии совместно с практикой Суда ЕС распространило данные положения на неработающих лиц, предпринимателей, пенсионеров, студентов, членов семьи работников-мигрантов, также граждан третьих государств, въехавших на территорию одного из государств-членов ЕС в целях поиска работы и другие.

Третий этап связан с введением Шенгенского права ЕС, которое распространяется не на всех государств-членов ЕС, а также оно распространяется на некоторые государства, которые не входят в ЕС. Нововведениями Шенгенского права ЕС стали единая виза с третьими странами, а также свобода движения граждан государств, на которых распространяется Шенгенское законодательство ЕС и свобода движения граждан третьих стран, которые въехали в одно из таких государств.

Из основных нормативных правовых актов, регулирующих свободу движения лиц необходимо отметить Директиву 2009/52/ЕС Европейского парламента и Совета от 18 июня 2009 г. об установлении минимальных стандартов в отношении санкций и мер к работодателям незаконно пребывающих граждан третьих стран, Директиву 2004/38/ЕС Европейского Парламента и Совета от 29 апреля 2004 г. о праве граждан Союза и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов, изменяющую Регламент (ЕЭС) № 1612/68 и отменяющую директивы 64/221/ЕЭС, 68/360/ЕЭС, 72/194/ЕЭС, 73/148/ЕЭС, 75/34/ЕЭС, 75/35/ЕЭС, 90/364/ЕЭС, 90/365/ЕЭС и 93/96/ЕЭС, Регламент Совета от 15 октября 1968 г. о свободе передвижения работников в сообществе (1612/68/ЕЭС), Директиву Совета от 15 октября 1968 г. об отмене ограничений на передвижение и проживание работников из государств-членов и их семей (68/360/ЕЭС), Директиву Совета от 28 июня 1990 г. о праве на проживание (90/364/ЕЭС)¹.

Относительно последней практики Суда ЕС по делам о свободе передвижения лиц, примечательно отметить следующие примеры.

Так, в одном из дел, истец ссылаясь на то, что государство-член не выполнило свои обязательства по имплементации в национальное законодательство Директивы 2004/38 и потребовал возмещения причиненного вреда². Господин Оджиериахи прибыл в Ирландию в 1999 г., где попросил политического убежища, после чего женился и ходатайствовал о выдаче вида на жительство и получил его на период с 1999 по 2000 гг., затем продлил его до 2004 г. В 2004 г. господину Оджиериахи было отказано в выдаче вида на жительство на

¹ См. документы в переводе на русский язык на http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/svob_peredv.htm

² См.: дело C-244/13 Ewaen Fred Ogieriakhi v. Minister for Justice and Equality [2014] // ECR 2068.

основании того, что его жена, гражданка Франции, покинула Ирландию и нет доказательств, что в течение с 1999 по 2004 г. она осуществляла свои права на работу или на проживание по законодательству ЕС, и с этого периода он не считается членом семьи гражданина ЕС в Ирландии. Согласно Директиве 2004/38 после того как гражданин третьего государства законно проживал в государстве-члене ЕС на протяжении пяти лет, он вправе подать заявление на выдачу постоянного вида на жительство, однако Ирландия не имплементировала данную директиву в свое законодательство. В 2007 г. господин Оджиериахи был уволен с работы на основании отсутствия права на проживание в Ирландии.

Суд ЕС пришел к выводу, что состояние в браке на протяжении 5 лет даже при отдельном проживании супругов друг от друга является законным основанием для продления вида на жительство по Директиве 2004/38. Также в соответствии с законодательством ЕС для удовлетворения критерия проживания 5 лет в государстве-члене ЕС, необходимо соблюсти условия по Регламенту 1612/68. Для того, чтобы отказ государственного органа Ирландии был правомерен необходимо было, чтобы брак был расторгнут в установленном законом порядке. Для факта квалификации начала этого пятилетнего срока не обязательно постоянно проживать с супругом на протяжении 5 лет.

Таким образом, Суд ЕС постановил о нарушении прав истца и о том, что Ирландия не выполнила своих обязательств по имплементации директивы в национальное законодательство.

В другом деле¹ истцы ссылались на незаконный отказ в выдаче постоянного вида на жительство в Соединенном Королевстве в соответствии с Директивой 2004/38.

Истцы также ссылались на совместное проживание в течение 5 лет на законном основании в государстве-члене ЕС, и как следствие, на право на получение постоянного вида на жительство. Истцы (мать и сын) получили вид на жительство, поскольку госпожа Элларейп была супругой гражданина ЕС, который работал в государстве-члене ЕС. В период проживания мать работала по трудовому договору, а сын проходил обучение. В 2010 г. брак был расторгнут и в ходатайстве о продлении вида на жительство было отказано.

Суд ЕС пришел к выводу, что у матери есть право на получение постоянного вида на жительство даже после расторжения брака в виду необходимости заботы о сыне, который проходит обучение в государстве-члене ЕС как основание уважения права на частную и семейную жизнь. В данном случае, несмотря на развод родителей, несовершеннолетнему ребенку гарантируется его право на получение образования, что является основанием права на проживания в государстве-члене ЕС по смыслу ст. 12 Регламента 1612/68, а мать при этом осуществляет свои родительские права в отношении своего несовершеннолетнего ребенка и ее нельзя лишить их путем депортации. Более того, после достижения совершеннолетия несовершеннолетним, он имеет право на продление вида на жительство, если ему необходимо закончить свое обучение. Родитель уже достигшего совершеннолетия ребенка вправе получить вид на жительство, если нужна его забота о ребенке для продолжения и окончания обучения.

В приведенном деле, стоит учитывать тот факт, что на протяжении пятилетнего срока истцы проживали на территории государства-члена ЕС на законных основаниях. Если бы такие основания являлись незаконными, вид на жительство, выданный истцам был бы признан недействительным, проживание на территории государства-члена было бы признано незаконным, и, как результат, у истцов не было бы права ходатайствовать о продлении вида на жительство.

Таким образом, при решении вопроса о выдаче вида на жительство необходимо принимать во внимание цель ходатайства лица, при учете, если она соответствует его праву на уважение частной и семейной жизни.

¹ См.: дело C-529/11 Alarape and Tijani v. Secretary of State for the Home Department [2013] // ECR 290.

Также можно сделать вывод о том, что предоставление вида на жительство в приведенных решениях Суда ЕС является гарантией защиты прав и законных интересов граждан третьих государств, у которых есть законные и обоснованные основания остаться для проживания в государстве-члене ЕС. Отказ в выдаче вида на жительство в этих случаях нарушает фундаментальные права и ценности, закрепленные в законодательстве ЕС.